Оглавление

Предисловие 9

1 Средневековый питомец 11

2 Приобретение (и утрата) питомца 49

3 Качество жизни питомца 69

4 Жизнь с питомцами 91

5 Питомцы в иконографии 121

6 Питомцы в литературе 144

Заключение 169
Благодарности 173
Примечания 175
Источники иллюстраций 229
Библиография 231

Эта книга была издана благодаря щедрой поддержке
и гранту, предоставленному Лондонскому
университету Фондом Изобель Торнли,
а также гранту Фонда Скулуди в сотрудничестве
с Институтом исторических исследований

ПРЕДИСЛОВИЕ

В средневековой жизни животные присутствовали повсеместно. Люди охотились на них, ели их, доили, стригли, свежевали, на них ездили, пахали, их впрягали в повозки; их наделяли символическим значением, и эта символика работала в самых разных контекстах — от толкования Библии до геральдики. Однако моя книга посвящена домашним питомцам — животным, которых люди избирали лишь для того, чтобы те составляли им компанию.

Содержание питомцев — одна из самых удивительных форм взаимоотношений человека и животных. Питомца зачастую пускают туда, куда другим животным вход запрещен, ему позволен тесный физический контакт с хозяином (носят ли любимца на руках, или он спит в постели), его кормят изысканной едой и покупают для него специальные товары, вроде клеток и ошейников. К нему нередко относятся с бóльшим теплом и заботой, чем к большинству хозяйских соплеменников — людей. К тому же, в отличие от породистого коня или сокола, которых тоже могли высоко ценить, от питомца никогда не требовалось ничего, кроме как быть рядом и забавлять хозяина.

Масштабных исследований домашних питомцев в Западной Европе Средних веков до сих пор не предпринималось. В обзорной литературе иногда упоминали о питомцах и уходе за ними, но самой практике их содержания не уделяли внимания. На страницах книги я хочу пролить свет на эту практику и обратить внимание на свидетельства ее распространенности в период Средневековья, ссылаясь на разнообразные исторические, литературные и иконографические источники.

1

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПИТОМЕЦ

Что такое питомец?

Питомец — это животное, которое человек держит в качестве компаньона. Животное становится питомцем лишь потому, что человек выбирает его на эту роль. В природе питомцев не существует. Таким образом, «питомец» — это искусственная, созданная человеком категория.

Хотя в этой книге я использую английское слово *pet*, в Средневековье равнозначного термина не существовало. В большинстве источников (как латинских, так и на народных языках) питомцев называют термином, определяющим видовую принадлежность, — собака (*canis*) или кошка (*muriceps*). Современное значение слова *pet* («домашний любимец») появилось лишь в XVI в., да и тогда лишь в Шотландии и северной Англии. Оксфордский словарь английского языка фиксирует первый случай такого употребления в 1539 г.: *for the keeping of certane Pettis* («для содержания определенных питомцев») — и в данном случае речь идет, помимо других животных, о попугаях и обезьянах[1].

Согласно Оксфордскому словарю, питомец — это «животное (чаще всего домашнее или ручное), которое держат ради удовольствия или общения», но такое определение, вероятно, не вполне передает то, как это понимали в Средние века. Кит Томас в книге «Человек и природный мир: меняющееся отношение в Англии, 1500–1800» (Man and the Natural World: Changing Attitudes in England, 1500–1800) трактует «питомца» как животное, которое держат в доме, не едят и называют личным именем; эти полезные критерии применимы и к средневековым питомцам[2].

Питомцы размывают границы между животным и человеческим статусом. Их могут баловать и относиться к ним как к членам семьи. Их пускают в жилые помещения, кормят и ухаживают за ними с той же заботой, что и за людьми.

Хозяева привязываются к своим питомцам, но одного этого недостаточно, чтобы решить, можно ли отнести любимца к категории питомцев, поскольку в Средние века те же чувства владельцы могли питать и по отношению к другим животным, в частности к тем, что использовались для развлечений на свежем воздухе: к ловчим птицам и особенно к лошадям, — их тоже окружали заботой и вниманием[3]. По этой причине я сосредоточилась на тех животных, которых держали в доме. Некоторые средневековые питомцы не отвечали и этому критерию, но он объясняет, почему подавляющее большинство домашних любимцев, встречающихся в этой книге, принадлежали женщинам, клирикам и ученым — всем тем, кто проводил больше времени в помещении. Таким образом, наличие питомцев могло служить и гендерным маркером, хотя разграничение было не всегда четким, и не следует сбрасывать со счетов светских мужчин, которые тоже держали дома животных.

Питомец не обязательно должен был быть маленьким, но это удобно, когда животное держат в доме и часто носят на руках. И многие термины, обозначавшие собак-питомцев, подчеркивают их малый размер: *catulus* или *caniculus* в латыни, *chienet* в старофранцузском, *hündchen* в средневерхненемецком, *whelp* или *small*

hound в среднеанглийском, *cagnolo* или *cagnolino* в итальянском и *perillo* или *blanchet* в кастильском[4].

Не имея иной функции, кроме как составлять человеку компанию, средневековые питомцы избегали участи других домашних животных: их не ели, не сдирали с них шкуру, не доили и не использовали для какой-либо работы (от пастушеской службы до охоты). Но, соответственно, они и не обладали особым юридическим статусом, что отмечал Уильям Ламбард в своем руководстве для мировых судей, Eirenarcha (1581): «Похищение собак любого вида, обезьян, попугаев, певчих птиц и прочих (хотя бы они и находились в доме) не считается преступлением: ибо все вышеупомянутые существуют лишь для удовольствия и не представляют никакой ценности»[5].

Контраст между избалованными залюбленными питомцами и прочими домашними животными ярко показан в басне Марии Французской «Осел, пожелавший поиграть со своим хозяином»:

Один богач, как я читал,
Собачку [*chenet petit*] держал.
Он с ней резвился и играл —
Осел игру их увидал.
Осел в душе прекрасно знал,
Что всяк собачку обожал —
Она, хозяину мила,
Дороже золота была.

Полагая, что превосходит собачку размером и добродетелями, осел решил вести себя как она и тем заслужить хозяйскую благосклонность. Однажды, увидев, как хозяин играет с собачкой, он приступил к исполнению плана: громко заревев, ударил хозяина копытами, подражая прыжкам собачки. Хозяин упал, и осел был жестоко наказан. Басня заканчивается тем, что осел возвращается в стойло, усвоив: плебеям не должно стремиться возвыситься[6].

Средневековая теология традиционно учила, что домашние питомцы, как и все животные, лишены бессмертной души. Однако

Аделард Батский (1080–1152) в своем трактате «Естественные вопросы» (Quaestiones naturales) утверждал, что животные все же обладают душой, поскольку способны чувствовать и различать, что желать, а чего избегать, а такое различение может существовать только в душе, но не в теле[7]. Позже идея о том, что животные обладают смертной душой, получила развитие в трудах Фомы Аквинского (1225–1274). Для Аквината, как и для Аристотеля, души животных не бессмертны[8]. Он следовал Августину, полагавшему, что души животных лишены разума и потому исчезают после смерти. Тем не менее сомнения в наличии души у питомцев, судя по всему, не уменьшали ни щедро изливаемой на них любви, ни горя от их утраты.

Кто держал домашних питомцев?

В Средневековье питомцы часто выступали символом того, что хозяева живут в богатстве и роскоши, а то, как этих питомцев содержали, могло демонстрировать стремление хозяев подчеркнуть свой высокий социальный статус и похвастаться материальным благополучием. Однако не стоит сводить связь между наличием питомцев и принадлежностью к высшему классу исключительно к экономическим причинам или рассматривать наличие питомцев просто как прихоть тех, чьи базовые потребности уже удовлетворены[9].

Другие животные, о которых заботились — прежде всего породистые лошади, охотничьи собаки и соколы, — требовали внимания обученных смотрителей и содержались в специально построенных помещениях (конюшнях, псарнях или соколятнях). Питомцы же, в отличие от них, редко выходили за пределы дома, а если и покидали его, то чаще под присмотром — как правило, чтобы порезвиться в огороженном саду или отправиться на более дальнюю прогулку на руках у хозяина.

В высоком и позднем Средневековье человека можно было охарактеризовать, исходя из того, какое животное он держит.

Подавляющее большинство владельцев питомцев составляли женщины и клирики (как простое духовенство, так и монашествующие). Некоторые светские мужчины тоже заводили домашних любимцев, но в целом предпочитали животных, обладавших теми чертами, которые их хозяева хотели бы демонстрировать миру: силой, преданностью и свирепостью. От питомцев дам и клириков не требовалось ни выполнения особых задач, ни определенных врожденных качеств — ничего, кроме роли компаньона. Вместо преданности — нежная привязанность, вместо агрессивности и силы — способность развлекать и забавлять. Питомцам, как и их хозяевам, не нужно было «сражаться» за место в этом мире. Поскольку множество женщин и клириков держали домашних любимцев, те стали маркерами идентичности этих групп как в общественной, так и в частной сфере. Будучи частью повседневной жизни владельцев и участвуя во многих их занятиях, питомцы становились составляющей их образа. Изображения хозяев с питомцами предоставляют многочисленные свидетельства: владение домашним животным было тесно связано с принадлежностью к определенной группе.

Средневековые питомцы, как и их владельцы, не принадлежали к «внешнему» миру, который был уделом светских женатых мужчин. «Внешний» образ жизни предполагал сражения и охоту, а ни в том ни в другом женщины и клирики участвовать не должны были. Подразумевалось, что они, напротив, пребывали в ограниченном «внутреннем» пространстве. И хоть многие клирики, включая епископов, папских легатов, странствующих монахов и студентов, на самом деле выходили в мир, эти выходы не складывались во «внешний» образ жизни. Несмотря на то что некоторые клирики пренебрегали каноническим запретом на охоту, само существование такого запрета подчеркивало, что охота была частью образа жизни, который им вести не следовало[10]. Многие светские женщины также охотились, но при этом на них налагались ограничения: им, к примеру, разрешалось использовать только определенных птиц (таких как маленький ястреб), и действовали они под строгим присмотром.

Еще одним показателем различий в сферах деятельности как хозяев, так и питомцев служит заметная разница в размерах животных, принадлежавших светским мужчинам, с одной стороны, и женщинам и клирикам — с другой. Миниатюрные размеры питомцев исключали большинство функций, кроме роли компаньона, хотя некоторые виды выполняли и другие задачи — например, кошки избавляли дом от грызунов.

В неоднозначности гендерных категорий есть логика, ведь клирики, в силу целибата, фактически представляли собой «третий пол». Поскольку брак и сражение — традиционные маркеры мужественности — были клирикам недоступны, они являли собой еще одну категорию гендерной идентичности[11].

В древнеирландских правовых текстах питомцы-собаки ассоциируются с женщинами высокого статуса. В трактате Críth Gablach (VII в.) говорится, что у землевладельца должна быть охотничья собака, а у его жены — комнатная. Другой правовой текст упоминает кошек, которых женщины держали в доме, позволяя им спать в специальных корзинах или на подушке на кровати. Собаку-питомца в ирландских текстах обычно называют *messán*, уменьшительным от слова *mess*, «любимец». Кроме того, текст связывает владение такими собаками с определенным «родом занятий»: врач, арфистка, королева, содержатель гостевого дома (*briugu*)[12]. Тот факт, что все мужские профессии, представителям которых можно было заводить питомцев, относятся к невоинским, иллюстрирует связь между наличием домашних любимцев и гендером.

Однако эти нормы не были жесткими. Питомцы часто встречаются в рассказах о представителях королевских семей обоего пола. Король Кастилии Альфонсо X Мудрый (1221–1284) держал домашнего хорька и даже сочинил кантигу* о своем любимце: «Маленький зверек, который так любил короля»[13]. В городах

* Поэтический жанр, распространенный на Пиренейском полуострове в XIII–XIV вв. — *Здесь и далее прим. научного редактора, если не указано иное.*

питомцев держали как мужчины, так и женщины. Существует экземплум* конца XIV в., порицающий адвоката за чрезмерную привязанность к своим собачкам. Адвокат любит только своих собак и спит с ними в одной постели. Его находят мертвым жена и клиенты; собаки, оставшиеся после его смерти без еды, предают его — их застают за поеданием его трупа[14]. Та же тема неразумности чрезмерной любви к питомцам встречается в экземплуме против женщин, держащих дома животных. Иллюстрация в манускрипте начала XIII в. Chirugia изображает хирурга с весами в руках и собачкой на коленях; в итальянском экземплуме начала XV в. врачи посещают пациентов в сопровождении ручной обезьянки[15].

К XV в. содержание домашних питомцев стало «хорошим тоном» среди ученых и тех, кто стремился добиться признания на этой стезе. Питомцы выступали распространенным мотивом в описаниях светских ученых, в иконографии, стихах и письмах. И хотя было бы излишним упрощением утверждать, что искусство и литература просто подражали жизни, имеющиеся свидетельства все же подразумевают, что питомцы не были просто художественным и литературным образом, а составляли привычную часть быта ученых.

Часто считается, что массовым социальным явлением содержание питомцев стало лишь в раннее Новое время. Хотя большинство средневековых источников сосредоточено на высших слоях общества, изображая питомцев как развлечение, популярное среди знати и богатых купеческих кругов, такие свидетельства не означают, что практика содержания домашних питомцев ограничивалась лишь этими классами[16].

* Буквально «пример» — жанр средневековой литературы с выраженной дидактической функцией.

Виды питомцев

Несмотря на то что питомцем могло стать любое животное, некоторые виды выбирали для этой цели чаще прочих. Наибольшей популярностью пользовались маленькие собаки; среди других предпочитаемых видов были кошки, обезьяны, певчие и говорящие птицы, белки, хорьки и кролики[17].

Собаки[18]

Обычно отличительной чертой питомцев-собак был их небольшой размер, а не принадлежность к той или иной породе. Единственная определенная порода комнатных собак, упоминаемая в источниках, — это мелкие курносые длинношерстные (обычно белые) мелитейцы, обильно представленные в иконографии знатных дам. Термин «мелитеец» восходит к классической Античности, когда считалось, что такие собаки происходят с острова Мальта. У раннехристианского автора Климента Александрийского (ок. 150–215 гг.) встречается предвосхищающая средневековую критику избалованных питомцев жалоба на женщин, которые «пренебрегают целомудренной вдовой, чья ценность гораздо выше, чем у мелитейского щенка»[19]. Однако источники, указывающие на прямую линию разведения этих собак от Античности до Средневековья, не обнаружены, и к Средним векам термин мог использоваться для обозначения любой комнатной собаки, особенно если она обладала длинной белой шерстью. В иконографии позднего Средневековья мелитейцы в целом выглядят как представители породной группы бишонов[20], но это спорно, поскольку изображения собак редко сопровождались письменными описаниями, а большинство источников ограничивались прилагательными, указывающими на размер, цвет и длину шерсти животного. К тому же мелких спаниелей также часто называли мелитейцами,

отчего возникает еще больше путаницы. Собачки, изображенные на серии гобеленов конца XV в. «Дама с единорогом»*, хранящихся в Национальном музее Средневековья в Париже, — яркий пример «мелитейского» типа. На гобелене «О моем единственном желании» (À mon seul désir) длинношерстная белая собака сидит лицом к зрителю на расшитой подушке, лежащей на скамье рядом с дамой. На другом гобелене серии — «Вкус» (Le Goût) — такая же длинношерстная белая собака стоит на шлейфе платья дамы, глядя на нее снизу вверх[21]. На иллюминированной буквице из итальянского хорала XV в. (ныне хранится в Музее Виктории и Альберта) одна из таких собак играет с сидящей на цепи ручной обезьянкой возле царя Давида (илл. 12).

Среди охотничьих пород, популярных в качестве питомцев, встречались всевозможные разновидности спаниелей, чаще небольшого размера, а также мелкие гончие, такие как бракк[22]. Вопреки общему правилу, согласно которому предпочтение отдавалось собакам небольшого размера, борзых тоже заводили в качестве питомцев. В иконографии чаще встречаются животные белого окраса, но это может быть просто художественной условностью. Собаки были самых разных окрасов — коричневые, пегие, черные, пятнистые и рыжие. Шерсть их могла быть гладкой или кудрявой, нос — приплюснутым, округлым или заостренным. Убедиться в этом можно на примере манускрипта начала XVI в. из собрания Британской библиотеки, где показана генеалогия королевских домов Испании и Португалии. На миниатюрах вместе с хозяевами изображены разнообразные питомцы: на одном листе донья Иньега держит гладкошерстную белую собачку, на другом донья Констанса гладит коричневую, кудрявую и лохматую; у доньи Эрмесенды на коленях серая длинношерстная собака, а у доньи Изабель на руках крохотная коричневая[23].

* Серия из шести гобеленов, созданных во Фландрии около 1500 г. и посвященных органам чувств.

Говоря о типах собак, следует помнить, что их обычно классифицировали по назначению и породы тогда разграничивались гораздо менее строго, чем сейчас. Джон Кайус в своей основополагающей работе об английских собаках De canibus Britannicis (1570) делит их на «род благородный, работающий по дичи», «домашний род, способный к различным необходимым делам» и «род дворняжек, годный для всяких забав»[24]. Охотничьих собак он подразделяет на предназначенных для работы по зверю и по птице. В его список охотничьих пород, работающих по зверю, вошли «харьер, терьер, бладхаунд, борзая, грейхаунд, лейнер или лаймер, барсучья собака» и нелающая «ночная собака»; по птице — чаще всего пятнистые «спаньель, сеттер, водяной спаньель или ищейка» и «ловец».

От двух категорий охотничьих собак, среди которых все «благородны», Кайус переходит к собакам, которых держат как питомцев: «наши английские собаки третьего благородного рода», «изящные, опрятные и милые, называемые спаниелями нежными, или утешителями» (мелитеец или фотор). Назвав прародиной этих собак Мальту, он описывает их природу, игривую и праздную, предназначенную исключительно для общения и развлечения:

> Собачки сии малы, прелестны, благонравны и изящны, их заводят в угоду утонченным и изысканным дамам и ради капризов легкомысленных женщин, как орудия суетности, дабы играть с ними и бездельничать, попусту растрачивая драгоценное время, отвлекать ум от более достойных занятий и тешить порочное пристрастие к пустым забавам (затратное ухищрение, призванное прогнать скуку праздности).

После долгих рассуждений о бесполезности и избалованности этих собак Кайус предпринимает попытку найти «добродетель, которая остается у нежного спаниеля, иначе именуемого утешителем». Он обращается к традиционному поверью, согласно которому маленькие собаки, если прижать их к животу, «хороши,

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru